

Фихте Иоганн Готлиб

Замкнутое торговое государство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 55
ББК 26
И75

И75 **Иоганн Готлиб Ф.**
Замкнутое торговое государство / Фихте Иоганн Готлиб – М.: Книга по Требованию, 2023. –
159 с.

ISBN 978-5-521-28339-2

ISBN 978-5-521-28339-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ному ими идеальному состоянию вещей, на котором общий закон (Regel) показан так, как арифметическое правило на примере. Практическому политику в жизни приходится иметь дело не с этим предположенным порядком, а с совершенно иным. Нет ничего удивительного, поэтому, что к последнему не пригодны предписания, которые с самого начала не были на него рассчитаны.

Однако философ никогда не признает и не предположит абсолютной невыполнимости своих предложений, если только он считает свою науку не пустой игрой, а делом высоко-важным. Ведь иначе он, без сомнения, употребил бы свое время на что-нибудь более полезное, чем на то, что он сам считает игрою понятий. Он будет настаивать, что его предписания,—непосредственно невыполнимые в чисто-теоретической формулировке, в своей высшей всеобщности годной ко всему и как раз поэтому ни в чем у определенному,—для приложения в данному действительному положению надо только дальше определить. Так же, как знание общего взаимоотношения сторон и углов в треугольнике в поле не дает еще ни одного угла или стороны,—всегда необходимо бывает сверх этого знания еще и действительное измерение наложением масштаба и наугольника на известную часть измеряемой фигуры,—но оно дает зато возможность все остальное в ней найти одним вычислением, без действительного наложения масштаба.

Общие положения устанавливаются теорией государственного права (im reinen Staatsrechte). Дальнейшее же их определение, по моему, происходит в той науке, которую я называю политикой и определяю ниже. Я отношу и ее к области спекулятивного философа, как такового. Ведь не подлежит сомнению, что практический политик может быть одновременно и спекулятивным философом, а может быть будет иметь место и обратное отношение. Сочинению, кото-

рое само об'являет себя политическим, было бы гораздо большим позором, чем государственному правовому, доказанное обвинение в неосуществимости его предложений. Я думаю, однако, что и политика не должна в своих построениях исходить из совершенно определенного, действительно существующего государства, если она—действительно наука, а не простая практика. Ведь иначе не могла бы существовать никакая общая политика; была бы лишь частная политика таких отдельных государств, как Англия, Франция, Пруссия, да и то лишь политика этих государств в 1800 году, осенью 1800 года и т. д.—Политика должна исходить по крайней мере из того общего для всех государств Великой европейской республики положения, которое имеется налицо к моменту ее установления. Хотя практическому политику и приходилось бы все еще прилагать к определенному случаю все еще в известном отношении общие положения—и к каждому случаю прилагать несколько иначе—однако, эти общие положения уже много ближе к практике.

Если бы разработать политику на основе этой идеи и вообще основательно, с действительным знанием современного положения и на твердых государственно-правовых принципах, то она могла бы казаться бесполезной разве только еще тому голому практику (*Empiriker*), который вообще доверяет не понятиям и расчету (*Kalkul*), а только тому, что оправдано непосредственным опытом.

Он отверг бы эту политику уже по одному тому, что она не содержит в себе изложения фактов, а одни лишь понятия и расчет событий,—одним словом, по тому, что она не история. Такой политике держит в памяти ряд случаев и удачно составленных правил поведения, которые до него были выведены из этих случаев. Что бы с ним ни случилось, он вспоминает одно из них и поступает, как один из тех политиков до него, которых он вызывает из могилы, одного

за другим, переносит в свое время и составляет, таким образом, свой жизненный путь из разнообразных частиц самых различных людей, от себя к нему ничего не прибавляя. Его следовало бы только спросить: кому подражали впервые применившие то правило, к которому он относится с такой похвалой и подражанием; на чем основывали они свое решение применить его,—на предшествовавшем им опыте или на оценке (Kalkul) положения? Ему следовало бы напомнить, что все, что теперь ветхо, когда-то было новым, что род человеческий никак не мог за это последнее время так низко пасть, чтобы у него сохранились только память и способность к подражанию. Ему надо показать, что благодаря развитию рода человеческого—которое происходит без его помощи и задержать которое он не может—очень многое изменилось и этим вызвало потребность в таких совершенно новых правилах поведения, которых раньше нельзя было бы ни выдумать, ни применить. Позволительно было бы предложить ему произвести назидательное, может быть, для него историческое исследование о том, возникло ли больше зла на свете из-за рискованных новшеств или же из-за ленивого пребывания при старых, уже более неприменимых или уже недостаточных мерах.

Удовлетворяет ли настоящее сочинение только-что указанным требованиям основательного изложения политики—автор не считает себя в праве судить. Что же касается непосредственного своего задания—замкнуть в себе торговое государство, подобно политическому, и показать достаточную необходимость средств для этого в уничтожении мировых денег и замене их туземными (Landesgeld),—то он, конечно, сам заранее видит, что ни одно государство не захочет принять его предложения, если оно к этому не будет вынуждено, и что в последнем случае, оно не будет иметь обещанных выгод от этой меры. Оно поэтому не-

приемлемо. А так как нельзя ничего осуществить, на что не отваживаешься, то его найдут и неосуществимым. Ясно или неясно-осознанным основанием этого нежелания является следующее. Европа имеет в торговле большее преимущество перед другими частями света. Она присваивает себе их силы и продукты, далеко не возвращая им соответствующего эквивалента. Каждое из европейских государств извлекает для себя известную выгоду из этого совместного ограбления всего мира. Как бы неблагоприятен для него ни был его торговый баланс по отношению к остальным европейским государствам, оно никогда не оставляет надежды изменить его в свою пользу и извлекать тогда еще большую выгоду. Но от всего этого оно должно было бы отказаться, если бы вышло из более, чем оно, мощной европейской торговой компании. Чтобы устранить эту причину нежелания, надо было бы показать, что отношение, подобное тому, которое существует между Европой и прочим миром, как не покоящееся на праве и справедливости, никак не может удержаться долго. Доказательство, которое лежало за пределами моего настоящего задания. Но даже и после того, как это было бы доказано, мне всё еще можно было бы сказать: „до сих пор, по крайней мере, продолжается это отношение; продолжает существовать подчиненность колоний метрополиям; продолжается и торговля рабами. Мы не доживем до того времени, когда все это прекратится. Дай нам извлекать выгоду из него, пока оно держится. Те поколения, при которых оно рухнет, пусть сами выпутываются. Пусть они и исследуют, не могут ли они в твоих мыслях найти чего-нибудь полезного для себя. Мы не можем даже желать твоей цели, не нуждаемся, поэтому, ни в каких указаниях на средства для ее осуществления.“ — Признаюсь, что на это у меня нет ответа.

Автор не возражает, поэтому, против того, что и этот проект может остаться лишь школьным упражнением без

успеха в действительной жизни, звеном в цепи той системы, которая постепенно будет им построена. Он будет удовлетворен, если ему удастся опубликованием своего сочинения дать толчок другим для более глубоких размышлений об этих предметах. Может быть, в области, из которой им уже не захочется выйти, они и нападут на то или другое полезное и применимое открытие. Автор ограничивает себя определенно и обдуманно этой задачею.

Благоволите, Ваше Превосходительство, благосклонно принять уверение в почтении, воздаваемом Вам, как одному из первых сановников той монархии, в которой я нашел прибежище в то время, когда не мог обещать себе его ни в одной из остальных частей моего немецкого отечества, и как тому, чьи личные качества мне было суждено отметить и почитать.

Берлин, 31 октября 1800 г.

О Б З О Р.

ВВЕДЕНИЕ.

Об отношении государства разума к действительно существующему государству и теории государственного права к политике.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Ф и л о с о ф и я.—Какие торговые сношения были бы сообразными с правом в государстве разума?

Первая глава.

Основные положения для ответа на этот вопрос.

Вторая глава.

Общее применение выставленных положений к общественным сношениям.

Третья глава.

О предположенном распределении отраслей труда в государстве разума.

Четвертая глава.

Не вносят ли подати государству изменения в равновесие промыслов?

Пятая глава.

Как охранить это равновесие от случайностей, свойственных земледелию?

Шестая глава.

Подвергается ли это равновесие опасности от введения денег, и изменяется ли оно от непрерывного повышения благосостояния нации?

Седьмая глава.

Дальнейшее развитие выставленных здесь основных положений о праве собственности.

ВТОРАЯ КНИГА.

Современная история.—О состоянии торговых сношений в существующих в настоящее время действительных государствах.

Первая глава.

Предварительное замечание.

Вторая глава.

Известный нам мир, рассматриваемый как единое большое торговое государство.

Третья глава.

Взаимные отношения отдельных людей в этом большом торговом государстве.

Четвертая глава.

Взаимное отношение наций, как единиц в торговом государстве.

Пятая глава.

Средства, в которых до сих пор прибегали правительства, чтобы направить это отношение в свою пользу.

Шестая глава.

Результат употребления этих средств.

ТРЕТЬЯ КНИГА.

Политика.—Как привести торговые сношения существующего государства к государственному устройству, требуемому разумом, или о замыкании торгового государства.

Первая глава.

Более точное определение задачи этой книги.

Вторая глава.

Правовые притязания гражданина, как свободного до сих пор участника в мировой торговле, в замыкающему его торговому государству.

Третья глава.

Претензии государства, как самостоятельного целого, при его полном отделении от остального мира.

Четвертая глава.

Решительные мероприятия, коими можно достичь замыкания торгового государства и всех только-что установленных условий этого замыкания.

Пятая глава.

Продолжение предыдущего рассуждения.

Шестая глава.

Дальнейшие мероприятия для замыкания торгового государства.

Седьмая глава.

Последствия этих мероприятий.

Восьмая глава.

Истинная причина отпора, который встретит предложенная теория.

ВВЕДЕНИЕ.

Об отношении государства разума (des Vernunftstaates) к действительно существующему государству и теории государственного права (des reinen Staatsrechts) к политике.

Теория государственного права допускает у себя на глазах возникнуть государству разума на основе правовых понятий тем, что она предполагает людей до него, живущими вне каких бы то ни было отношений, похожих на правовые.

Но нигде нельзя найти людей в таком состоянии. Везде они живут уже совместно под сенью государственного устройства, которое возникло не на основе понятий и искусственно, а благодаря случаю или провидению. В названном состоянии находит их современное государство. Оно не может вдруг разрушить этого устройства без того, чтобы не рассеять людей, не превратить их в дикарей и не свести этим на нет свою основную задачу—построить из них государство разума. Оно не может сделать большего, как только постепенно приближаться к государству разума. Современное государство может быть поэтому представлено, как понятие в постепенном становлении государство разума.

В современном государстве вопрос ставится не только о том, что сообразно с правом (Rechtens), как в государстве разума, но также и о том, сколько из того, что сообразно с правом, при данных условиях, выполнимо. Если называть науку об управлении в современном государстве, согласно

вышесказанного, политикой, то такая политика лежала бы между данным государством и государством разума. Она воспроизводила бы тот определенный путь, по которому первое превращается во второе, в конце привела бы в государство разума.

Кто задается целью показать, каким особым законам надо подчинить в государстве торговые сношения, тот должен, поэтому, прежде всего исследовать, что в государстве разума, в области торговых сношений, является сообразным с правом, затем указать, каков в этом отношении обычай в существующем в настоящее время государстве, и, наконец, наметить путь, каким государство могло бы перейти из последнего состояния в первое.

Я не оправдываюсь в том, что говорю о науке и искусстве, как средствах для приближения государства разума. Все то хорошее, что должно стать достоянием человека, должно быть произведено его собственным искусством на основе науки. В этом его назначение. Природа не ссужает его ничем, кроме возможности применять искусство. В управлении также, как и в других областях, все, что позволяет себя подвести под понятия, должно быть под них подведено. То, что поддается расчету, надо перестать отдавать на волю слепого случая в надежде, что он сделает это хорошо.
